

Чужаки не считаются

Анатолий Герасименко

ФАНТАСТИКА

— Давай-ка еще раз, Падж, — устало сказал Клыков. — Все по порядку.

— Он позвал меня на улице, когда я ехал мимо. Я остановился, спросил: что надо? Он сказал: зайдём в дом. Я вылез из повозки, зашел. Он сказал: все тафидяне — уроды. Я разозлился и его ударил. Вазой. Там ваза была у него на тумбочке. Он упал и умер. Я испугался, побежал на улицу к повозке. Меня заметил стражник, окликнул, но я не стал останавливаться. Залез в повозку и поехал очень быстро.

— И все?

— И все.

Клыков придвинул кресло к столу, оперся на локти и яростно поскреб голову обеими руками. Стол был обычный лабораторный, стальной, и от лампы по нему прыгали слепящие блики. Падж сидел напротив, похожий на здоровенную статую с рогами. Клыков отчего-то вспомнил, что рога у тафидян — признак мужской зрелости, что-то вроде нашей окладистой бороды. Судя по размаху костистых отростков, Падж был весьма зрел.

— Послушай, я тебе не верю, — в десятый раз сказал Клыков. — Сначала ты говорил, что Востриков назвал тебя дураком. Потом — что вонючкой. Сейчас — что уродом.

— Запутался, — буркнул Падж. — Плохо знаю русский.

— Все ты прекрасно знаешь, — рассердился Клыков. — У вас способности к языкам, а биостанцию десять лет как построили. Было время изучить. Теперь скажи-ка, когда тебя заметил стражник?

— Когда я шел из дома.

— А стражник говорит, что видел тебя входящим! — погрозил пальцем Клыков. — Нестыковочка получается.

Падж поежился так, что скрипнуло кресло, и снова застыл. С минуту Клыков изучал его кожистую голову, здоровенный лоб с торчащими рогами, полуприкрытые серыми веками глаза. Потом подтолкнул по столу планшет, вынул из-за уха скрибл и положил рядом:

— На, подпиши. Тут все, что ты рассказал. Это называется протокол. С Калассы вот-вот прилетят судебные приставы, мне перед ними отчитываться.

Падж ухватил когтями скрибл и поставил обширную закорючку рядом с датой «27.07.2147 (3)».

— Можно я пойду обратно в тюрьму? — спросил он.

— Можно, — прищурившись, кивнул Клыков. — Только покажи мне напоследок, как ты ударил Вострикова.

— Показать? — недоверчиво переспросил Падж.

— Да, встань и представь, что... ну, скажем, вон тот шкаф — это Востриков. Ударь его.

Падж встал, задев рогами лампу.

— Так я его вазой ударил, — сказал он растерянно. — Вазы нет.

— Ничего, ты так покажи, рукой.

Падж неловко махнул когтями. Раздался треск, шкаф завалился набок, агонизирующе раззявив дверцы. Падж переступил с ноги на ногу.

— Ну? — спросил он.

— Гну, — ответил Клыков. — Ты его какой рукой стукнул?

— Этой.

— «Этой», — передразнил Клыков. — Это левая! Левая, понимаешь? И подписывался ты тоже левой!

Тафидянин уставился на собственные руки.

— А ударили Вострикова справа! — воскликнул Клыков. — Ну, в смысле, били правой. То есть у него рана слева. В общем, все, иди с глаз моих.

Падж боком протиснулся в подсобку и аккуратно прикрыл за собой дверь. Было слышно, как он там топает, скрипит койкой, чешется когтями и по-звериному вздыхает. Клыков сидел, барабанил пальцами по столу.

— Дверь закроете? — глухо спросил Падж из подсобки.

— Закрою, закрою, — проворчал Клыков, вставая и гремя связкой ключей в кармане.

Никакой тюрьмы на биостанции, конечно, не было, поэтому Паджа поселили в подсобке — та, по крайней мере, запиралась снаружи на замок. Впрочем, можно было обойтись без замка, поскольку тафидянин как пришел неделю назад с повинной, так никуда сбежать и не собирался. Клыков сначала и слышать не хотел о том, чтобы брать под стражу местного жителя. «Да поймите, я же ученый! — втолковывал он двоим огромным тафидянским стражникам, которые привели Паджа на биостанцию. — Вы здесь полиция? Вот и разбирайтесь с преступником». Но стражники были непреклонны. На довольно неплохом косперанто они объяснили Клыкову: если кто-то убил чужака из другого племени, то убийцу должно судить это самое племя. Закон такой. Покойный Востриков был землянином, ну и наказывать Паджа соответственно полагалось землянам. Вот если бы Падж проломил череп кому-то из тафидян, тогда другое дело: скорый суд, единоголосный приговор, изгнание в Северную пустыню, и там неминуемая мучительная смерть от холода и ядовитых буранов. А так — дело ваше.

— Черти рогатые, — бормотал Клыков, шагая по коридору и на ходу протирая очки платком. — Сдался он мне, судить его. Приставы будут — разберутся.

Он прошел мимо теплиц, оставил позади «холодильник» — криокамеру, где в обычное время хранились замороженные образцы, а теперь лежал несчастный Востриков, — обогнул лабораторию и вышел в прихожую.

Биостанция была рассчитана на тридцать человек. Обычно в коридорах было тесно, в столовой шумно, а лаборатория работала круглосуточно, и все равно времени не хватало. Группа Клыкова изучала уникальную местную агрокультуру для ее адаптации к земным условиям (говоря проще, на Тафиде все росло со страшной силой и плодоносило по три раза в год, и хотелось бы, чтобы так же получалось на Земле). Но всех сотрудников поспешно вывезли, когда произошло убийство. Вызвались остаться только два человека: старинный приятель Клыкова микробиолог Серега Ивченко и храбрая Верочка Зарова, геоботаник.

Положение Клыкова было на самом деле не таким уж сложным. Как начальник биостанции, то есть официальный представитель Земли на иной планете, он был обязан только вызвать приставов с ближайшей колонии — а те уж, действительно, разберутся. Заберут Паджа, созовут межпланетный трибунал, заведут громкое дело. И скорее всего, отношения у Земли с Тафидой станут намного хуже. Как-никак межвидовое преступление. Значит, биостанцию закроют, ученых перераспределят, и — конец десятилетним исследованиям, все свободны, начинайте сначала. А Клыков с Ивченко как раз наткнулись на один интересный цис-элемент у местной лианы, который был точь-в-точь похож на цис-элемент земной пшеницы, и если поработать на совесть, сезона два-три, то, как знать, может, и добились бы от нашей пшенички трех урожаев в год. Еще бы и назвали как-нибудь — «сорт Клыкова — Ивченко», чем черт не шутит. Но теперь все коту под хвост. Единственную надежду на мирный исход дела подавал сам Падж, явно невиновный, да еще при этом отчего-то пытающийся оговорить себя, оговорить глупо и неумело. Что ж, время есть, поиграем в детектива.

На вахте сегодня дежурила золотоволосая Верочка. Клыков сдал ей ключи и расписался в журнале.

— Ну что, Леонид Сергеич, не раскололся? — понизив голос, спросила Верочка.

— Ни в какую, — бросил Клыков. — Уперся рогами. Пусть еще посидит, может, одумается.

— А кормить его не надо? — опасливо поинтересовалась девушка.

Клыков пожал плечами.

— Я кормил сегодня, — сказал он. — Не бойся, они травяные.

— Да знаю я! — возмутилась Верочка. — У меня, между прочим, два диплома!

Клыков махнул рукой и вышел.

Биостанцию построили рядом с тафидянским городом, потому что тафидянский лес останавливал свой растительный натиск лишь в непосредственной близости от городских стен. Первая экспедиция битых полгода боролась с неукротимыми джунглями, однако на выжженной земле за ночь пробивались свежие всходы, лианы оплетали постройки, фильтры забивались пылью, а запахи... В итоге пришлось сложить огнеметы и переехать ближе к местной цивилизации. Клыков потом снарядил экспедицию: недели скафандры, взяли комбайн-проходчик, три дня искали следы построек, но так и не нашли.

В городе идти пришлось недалеко: как и все земляне, Востриков снимал коттедж на окраине. Вообще-то сотрудникам полагались койко-места на биостанции, но кто будет ютиться в душных пластиковых стенах, пропахших реактивами, когда местные дома так дешевы, местный климат так мягок, а местное население так дружелюбно настроено? По крайней мере, было дружелюбным до недавнего времени...

Коттедж Вострикова окружали заросли радужного самшита — местного кустарника, похожего на застывший и пустивший корни фейерверк. Как и любой другой представитель тафидянской флоры, радужный самшит рос с огромной скоростью, и его требовалось постоянно стричь, не столько в декоративных целях, сколько из практических соображений. Судя по тому, что разноцветные стебли успели вымахать в два человеческих роста, не стрижено было с неделю. Ну так и есть, ухаживать-то некому.

Войдя в дом (Тафида еще не развилась до того уровня, когда место преступления обносят желтой лентой или хотя бы опечатывают дверь), Клыков первым делом распахнул

окна, чтобы проветрить и впустить свет. Сквозняк всколочил занавески, завертел мусор на полу, кинул под ноги клочок бумаги. Клыков нагнулся, закричал и с натугой прочел: «Сергею с зарплаты — 150. Диргу за месяц — 30 (цветы, кусты, полив). Леониду в покер — 50 (забыл?)».

— Ничего я не забыл, — вздохнул Клыков и сунул бумажку в карман. Востриков отвратительно играл в покер. Эх, бедолага... Ладно, поищем что-нибудь посерьезней долговых записок.

В комнатах царил бедлам: Востриков слыл отчаянным лентяем и уборку считал делом, недостойным ученого. Так... Вот застывшая красно-черная мазня на полу... А вон и ваза злополучная валяется поодаль.

Снова закрихтев — да, худеть не помешало бы — Клыков присел и всмотрелся. Похоже, хоть в чем-то Падж не наврал. Убили Вострикова именно этой вазой, медной, тяжелой, килограммов десять весом. Края сосуда изгибались цветочными лепестками, один из лепестков смялся и потемнел от крови. И горлышко погнулось. Били крепко, такое как раз под силу Паджу. Или какому-нибудь другому тафидянину. Клыков встал, неуверенно прошелся по замусоренному полу — ну и свиарник: окурки, листки из блокнота, пустые упаковки от земных сухпаев, там что-то просыпано, тут что-то пролили...

Хотя нет, похоже, не пролили. Тут — раздавили.

— Эге! — сказал он вслух и опустился на колени. Пол здесь был грязней прочего, на дереве густо засохла какая-то бурая гадость, а между половицами застряли тонкие белые ошметки. Раскрыв складной ножик, Клыков поддел один из них лезвием и извлек на свет.

— Мать честная, — проговорил он отдельно. — Это же гхек!

Скривившись от отвращения, он нагнулся и понюхал засохшее пятно. От пола ощутило несло тухлятиной. Клыков достал телефон и набрал номер.

— Серега, будь добр, отвлекись на минутку. Надо, чтобы ты сходил в холодильник и взглянул на Вострикова. Нет, без этого никак. Ну и что, что рибосомы померзнут, у меня дело важное. А кто тогда пойдет? Верочка, что ли? Иди, иди.

Он подождал, разглядывая кусок скорлупы: толще яичной, шероховатая, в полоску. Определенно гхек. Раковина гхека.

— Да! Ты в холодильнике? Нет, тело вынимать не надо. Одежду глянь, ботинки — там ничего не прилипло к подошвам? Откуда я знаю, где-то рядом с образцами положили... Нашел? И что? Ага, ага. Вроде скорлупы, точно. Раздробленная? Ну конечно, он же наступил... Ясно. Слушай, а понюхай ее — чем пахнет?... Шучу, шучу. Спасибо, у меня все.

Клыков встал, по-прежнему держа осколок раковины перед глазами.

— Это многое объясняет, — пробормотал он.

Тафида — удивительно комфортное и безопасное для жизни место: здесь нет ни хищников, ни паразитов. Это оттого, что целую планету населяет всего один вид животных, только очень разнообразный по морфологии. То есть, проще говоря, разные представители этого вида сильно отличаются друг от друга. Но все они служат одному делу — размножению. Размножение тафидян — сложнейшая штука, Клыков и его товарищи даже приспособили буквы алфавита, чтобы не запутаться. Мужским гаметам надо сперва зародиться в организмах-А, затем созреть внутри организмов-Б, оплодотворить женскую гамету с помощью организмов-В, а она, женская, тоже не лыком шита, ей тоже требуется несколько стадий развития, и каждая стадия — в новом теле-хозяине (Г, Д и Е), а переносятся между хозяевами эти капризные

клетки с помощью организмов Ж, З, И, а в особых случаях — КиМ, потом оплодотворенная клетка пересаживается в тело-инкубатор (Л, Н, О или П, в зависимости от набора хромосом), а недоношенный эмбрион вылезает, чтобы жить в еще нескольких инкубаторах последовательно... Выглядят все эти организмы крайне разнообразно. Достаточно сказать, что А похожи на земных кольчатых червей, а В — это как раз наши рогатые друзья, которые ходят на двух ногах, пользуются руками и разговаривают. Эволюционный смысл такого разнообразия очень прост: тафидяне успешно вытеснили все остальные виды из биоценоза, заместив их собой. Ну а сложности воспроизводства спасают Тафиду от перенаселения. Неудивительно, что любая жизнь на планете обожествляется. Наступил на червяка — убил собственного дядюшку. Беда.

Организмы-И, выглядевшие как крупные полосатые улитки, на местном наречии назывались гхеками. Именно гхеки во время совокупления транспортировали мужские половые клетки к женским организмам-Д. Или наоборот, Клыков точно не помнил. Помнил он то, что у тафидян было особое отношение к гхекам — весьма и весьма трепетное. А Востриков (ныне покойный) одного такого гхека, похоже, раздавил.

— Это многое объясняет, — бормотал Клыков, с разгона взлетая по ступенькам биостанции. Верочка при виде неожиданного начальства ойкнула и спрятала под стол книжку в яркой обложке. Клыков схватил ключи, добежал до кабинета и, не попадая в скважину, принялся отпирать подсобку.

— Ты почему молчал?! — крикнул он, как только распахнулась дверь. Падж, сонно моргая, поглядел на Клыкова. Тот, отдуваясь, показал кусок скорлупы:

— Это что?

Падж шумно втянул воздух.

— Что? — осторожно повторил он.

— Это гхек! — торжественно объявил Клыков. — Почему ты не сказал, что Востриков наступил на гхека?

— Наступил на гхека, — произнес Падж, избрав, по всей видимости, путь наименьшего сопротивления. Клыков подбоченился и глянул на Паджа поверх очков.

— Я думаю, — сказал он внятно, — что Востриков по незнанию, или по злему умыслу, или просто по пьяни — убил твоего м-м... меньшего собрата. А ты, видимо, придя в отчаяние, ударил его. Или, может, ты пытался защитить соплеменника? Ведь это смягчающее обстоятельство! Вострикова, останься он жив, должны были судить за убийство! А? Что скажешь?

Падж тупо посмотрел на скорлупу и скучным голосом произнес:

— Он не убивал моего гхека. Он меня обозвал, я разозлился и его ударил.

— Совсем обалдел? — вспылil Клыков. — Тебя ведь посадят, башка твоя дурья, рогатая! Межвидовое преступление — не шутки!

Падж опустил голову на подушку и закрыл глаза. Клыков плюнул и выскочил из подсобки.

— Ну и хрен с тобой, — шипел он, запирая дверь. — Пойдет под суд как миленький, — шептал он, шагая по коридору. — Цацкаться тут с ним, — бурчал он, выходя на крыльцо.

Вечерело, на городской стене менялись стражники. Из пекарен пахло дымом и хлебом, слышалось, как на базаре переключаются тафидяне (в основном организмы-Д). Клыков постоял на крыльце, глубоко дыша, остывая. Со стороны леса, отгоняя городские запахи, повеял пряный бриз. Уезжать с Тафиды ужасно не хотелось, еще больше не хотелось искать новую тему для исследований.

ФАНТАСТИКА

— Приставы будут — разберутся, — сказал Клыков с тоской.

Бриз потрепал ему волосы, соглашаясь. Клыков сердито пригладил редкие пряди: лысел.

— Ладно, — решил он. — К бабе его зайду, и все.

Организмы-Д сильно отличались на вид от своих мощных спутников. Сунни, жена Паджа (строго говоря, оплодотворительный партнер второго звена), походила на королеву эльфов из немецкой сказки. Огромные темные глаза на фарфоровом личике, стрекозинные переливчатые крылья за спиной, тонкие руки с обезьяньими пальцами. Роста в ней было — Клыкову по пояс.

— Я вас слушаю, — прощепетала она на косперанто. В дом зайти не пригласила, стояла на пороге, чуть трепеща крыльями. Клыков поправил очки.

— Я вот по какому вопросу...

Стараясь быть кратким, он рассказал то, что было известно: как Падж явился с повинной, как пытался себя оболгать, о визите в дом убитого и о найденной скорлупе.

— Понимаете, — говорил Клыков, с трудом подбирая слова, — мне, конечно, неприятно, что погиб коллега, но еще хуже будет, если пострадает невиновный. Падж отчего-то молчит, поэтому нужна ваша помощь. Этот несчастный гхек важнее всего. Если Востриков наступил на гхека, то у Паджа был серьезный повод. Я-то знаю, как для вас важны гхеки, и если этот гхек принадлежал Па...

— Непристойность! — вдруг закричала Сунни.

Клыков поднял брови:

— Простите?

«Чертово косперанто, — подумал он с досадой. — Надо было подналечь на курсах...»

Но Сунни продолжала кричать:

— Довольно грубостей! Муж сам пошел к вам! Сам сознался! Я теперь почти вдова! А вы стоите здесь и говорите непристойности! Как можно! Позор!

Она хлопнула дверью, едва не задев Клыкова по носу. Клыков снял очки, повертел в руках и надел опять.

— Гм, — только и сказал он.

Сойдя с крыльца, он оглянулся: может, это какой-то местный ритуал — орать на гостей? Теперь дверь откроется, Сунни, кланяясь, выглянет и наконец позовет его в дом?..

Но никто не выходил, дверь оставалась закрытой, и только торчали из-за глиняной крыши ветки радужного самшита.

«Вот и еще одна нестыковка, — подумал Клыков сердито. — Востриков-то с Паджем, оказывается, соседи. «Залез в повозку и поехал очень быстро». Куда он ехал, рядом с собственным домом? Однако у бабы не все в порядке с головой. Может, Падж как раз от нее в тюрьму сбежать хочет?»

— Ну и катись оно все! — пробурчал Клыков и побрел на биостанцию.

Полуденная жара шла на убыль, тесные улицы наполнились народом, но перед Клыковым все расступались — рогатые гиганты пятились к колючим изгородям, крылатые фигурки стайками порскали в тень. Затормозил на почтительном расстоянии экипаж: огромное колесо, внутри которого давили на ступени двое тафидян, влекло за собой гротескно маленькую тележку с третьим, одетым в плетеную из живых стеблей тунику. Туниконосец качнул рогами, приветствуя. Клыков помахал рукой в ответ, замешкался, едва не наступил на уличного торговца, безрогого мальчишку. Тот сидел у обочины, протягивал краюху свежего хлеба, что-то приговаривая на местном лаощем языке. Хлеб был пурпурного цвета, хотя пах обычной выпечкой. Клыков покачал головой. Нет уж, парень, жуй сам свои харчи, у нас с тобой белковая несовместимость.

На биостанции Клыков не пошел к себе в кабинет. Решительно пройдя мимо криокамеры с Востриковым, он завернул за теплицу и постучал в дверь препараторской.

— Серега! — крикнул он. — Заканчивай рибосомы морозить, давай лучше кофе выпьем.

Из препараторской выглянул Ивченко. Рыжая борода его торпорчилась, как у викинга.

— Кофе? — хмуро спросил он. — Ну а что, можно. Только недолго, а то срезы заново делать придется.

Через десять минут они втроем сидели на маленькой кухне. Ивченко с аптечной точностью заправил кофеварку, поколдовал с настройками и разлил по чашкам напиток. Кофе был что надо — пахучий и черный как смола.

— Не чокаясь, — напомнила Верочка. — За Вострикова. Кивнули, пригубили.

— Земля ему пухом, — пробормотал Ивченко.

— Рано, — поморщился Клыков. — Сначала приставы на Калассу тело заберут, потом следствие, а уж потом, если повезет, на Землю отправят. Другьям и родственникам.

— Каким еще другьям... — проворчал Ивченко.

— Так, Сережа, — подняла ладошку Верочка. — О мертвых иди хорошо, или никак.

— Ну ладно, — пожал плечами Ивченко. — Никак. Никак не возьму в толк, какие у Вострикова могли быть другья. При таком характере. И такой лени.

— Все, все, — поспешно сказал Клыков. — Проехали. Давайте лучше новости посмотрим.

Они загрузили на экран свежий пакет новостей. На Земле все шло как обычно: кого-то отправили в отставку, кого-то назначили вместо. Торжественно ввели в эксплуатацию новую морскую ферму, синтезировали новый белок. Всепланетный саммит еще не закончился, полярные ресиверы ждали отмашки. Вести с горячего мира: на Гурате миротворцы захватили очередного генерала. Показали небольшой ролик, прыгающая камера выхватывала из дымного марева то клешню, то панцирные шипы, то золотистые прорези глаз. Пленный генерал что-то скрежетал по-своему, махал псевдоподиями, потом в кадре возник перепачканный зеленью морпех и деловито поддал ему сапогом под панцирь. Камера стыдливо метнулась в сторону.

— Генералов все меньше, а война не кончается, — вздохнула Верочка.

— Вопрос решается одной-единственной орбитальной бомбардировкой, — холодно сказал Ивченко. — Один залп «Каина» по крабам — и наступит мир.

— Там же гражданские, Сережа, — покачала кудряшками Верочка.

— Там крабы, — поправил Ивченко. — На войне есть свои, и есть чужаки. Чужаки не считаются. А ля гер ком а ля гер. Надо только вывести наших ребят — а потом...

— Ладно, хватит о крабах, — решительно сказал Клыков. — Давайте я вам лучше кой-чего расскажу.

И он повторил все то, о чем полчаса назад говорил Сунни. Плюс эпизод с участием самой Сунни.

— Короче, жена у него ненормальная какая-то, — заключил он и шумно выхлебал остатки кофе. Ивченко хмыкнул:

— Во-первых, не жена, а оплодотворительный партнер Д-типа. Мы же договорились.

— Ой, Сережа, опять ты давишь интеллектом, — махнула рукой Верочка. — По сути — обычная жена.

— А во-вторых... — Ивченко забрал чашки и принялся наполнять их заново. — Тафидяне считают, что гхеки — это неприлично.

— Что... откуда ты знаешь? — нахмурился Клыков.

— Потому что он вумный, как вутка. — Верочка щелкнула Ивченко по лбу.

— Потому что я психолог, — сказал тот, пристально следя за кофеваркой. — Микробиолог и кросс-культурный психолог. Забыли? Меня в экспедицию не брали, пока я им второй диплом не показал.

— А я — экогенетик еще, — гордо сказала Верочка. — Мы тут не валенки шьем, мы специалисты широкого профиля.

— Ну-ну, — сказал немного уязвленный Клыков, у которого была только одна специальность, ксенобиология. — Валенки, между прочим, не шьют, а валяют. Так что насчет гхеков?

— Про них не говорят, — объяснил Ивченко, расставляя наполненные чашки. — Это табуированная тема. Как на Земле секс в викторианскую эпоху. Любое упоминание под запретом.

Клыков покрутил головой:

— Как же так, они ведь без гхеков не могут... ну, буквально...

— Не могут, — кивнул Ивченко. — Но не говорят. Гхеки для тафидян — существа очень интимные. Их даже показывать чужим нельзя. Своего гхека могут видеть только муж и жена...

— Оплодотворительные партнеры, — саркастически вставила Верочка. — Д- и В-типа.

— А чужого гхека разглядывать аморально, — закончил Ивченко. — И гхек у них — слово практически ругательное.

— Гхек их побери, — сказала Верочка.

— И всю эту планету гхековую, — согласился Ивченко.

Клыков раскрыл было рот, чтобы тоже сказать что-то смешное, но тут в голову ему пришла совсем несмешная мысль. На самом деле очень серьезная мысль. Он так и застыл с открытым ртом, пока не додумал ее до конца.

— ...Так что давайте-ка тост: чтобы все обошлось и чтобы из-за Паджа не закрыли биостанцию, — говорил между тем Ивченко.

Клыков хлебнул кофе, обжегся, поставил чашку и встал.

— Ты чего, Леонид? — поднял рыжие брови Ивченко.

— Вы сидите, — сказал Клыков, протискивая живот между стулом Верочки и стеной, — а я пошел. По-моему, меня кто-то хочет нагхекать.

На улице уже стемнело, но не до конца, как всегда на Тафиде, потому что успела взойти Старшая луна, а примерно через час должны были показаться Средняя и Младшая. Клыков шел быстро, почти бежал, и рядом по зеленоватой от лунного света траве бежала лунная тень. Стражники на стене проводили его взглядами. Это были молодые особи, с короткими рогами. В городе было по-настоящему светло из-за ночных кленов — их цветки сияли, как лампочки.

— По сути, обычная жена, — повторял Клыков. — Чужого... уф... гхека... Ах, чертовка, ах, зараза!

Взойдя на крыльцо, он заколотил в дверь:

— Сунни, откройте! Я все знаю, Сунни! Впустите меня!
Она открыла и тут же отступила внутрь. Клыкков шагнул через порог, глядя под ноги: в тафидяньских домах следовало быть внимательным, чтобы не повторить судьбу Вострикова. Пол был мягкий, выстланный живым мхом, с потолка свисали мерцающие гроздья лиан, в которых шуршали и попискивали пушистые комки — кажется, Н-организмы. Сунни присела на корягу, что росла прямо из пола. Крылья за спиной развернулись и с треском схлопнулись.

— Говорите, — велела она.

— Садовник, — выдохнул Клыкков. — У вас был роман с садовником.

Кукольное личико осталось безмятежным: не дрогнули веки, не искривился рот. Впрочем, эмоции оплодотворительных партнеров Д-типа могли выражаться как-нибудь по-другому. Например, с помощью крыльев, которые отчего-то затрепетали, будто на них подул ветер. Клыкков перевел дух и продолжил:

— Востриков был лентяй, каких поискать. А кусты надо стричь, иначе они вымахают до неба. У него был садовник, я даже видел счет. — Он похлопал по карманам. — Вот он. Вы читать-то умеете?

Сунни безмолвно посмотрела на бумажку.

— Гхек, — это слово Клыкков произнес с особым удовольствием, — в тот день в доме Вострикова находился гхек. Вы с садовником... в общем, это был его гхек. Верно?

Крылья завибрировали, казалось — еще миг, и Сунни взлетит. Но она не взлетела. Крылья обмякли, плечи поникли.

— Да, — сказала она. — Это был его... гхек. Ваш друг пришел не вовремя. Увидел нас. Испугался. Хотел убежать. Наступил на гхека. Дирг обезумел. Схватил вазу и убил вашего друга. Простите.

Она подняла голову, и Клыкков увидел, что огромные глаза сузились, а губы Сунни подрагивают. Значит, эмоции мы все-таки выражаем лицом? Ох, не переигрывай, Д-организм.

— Я закричала, прибежал Падж, — говорила Сунни. — Дирг убежал, а Падж решил взять его вину на себя. Чтобы... чтобы никто не узнал, понимаете? Из-за меня. Чтобы не опозорить...

Она закрыла глаза тонкими руками и всхлипнула — правда, скорее, этот звук походил на хрюканье.

— Он хотел пожертвовать собой ради меня-а-а, — провела Сунни.

— Да, — сказал Клыкков, — да, конечно. Но вот куда он дел труп Дирга?

Крылья взметнулись и затрещали так, что по комнате прошел ветерок. Пушистые существа под потолком взволнованно фыркнули и спрятались в лианах.

— Откуда вы знаете?!

Клыкков снял очки и принялся их протирать.

— Я ведь сначала как решил? — не спеша проговорил он. — Я решил, что Падж хочет вас выгородить. Все к тому шло, что он кого-то прикрывает, а кого еще, как не жену? Но это не имело смысла. Ну узнают все, что твоя жена гхекалась с садовником, неприятно, конечно, но не садиться же из-за этого в тюрьму. Может, Падж оговаривал себя, чтобы отвести от вас подозрения в убийстве? Тоже не годится: там был удар огромной силы, а вазу вы и поднять-то не сможете. Так что убийство совершил все-таки Дирг. И я все еще не получил ответа: где вы спрятали его труп?

— Падж закопал Дирга в лесу, — помедлив, ответила Сунни

— Покажете, где именно?

Сунни кивнула. Крылья у нее за спиной слились в мерцающий ореол.

ФАНТАСТИКА

— Скверно вышло, — сказал Клыкков. — Он убил Дирга из ревности, убил, как только прибежал в дом на ваши крики. И отвез в лес, надеясь, что никто никогда не узнает о том, что он совершил самое худшее — убил другого тафидянина. Преступление, настолько страшное, что его в пору маскировать другим преступлением — убийством чужака. Падж прикрывал не вас, Сунни. Он прикрывал себя. Ведь так?

Сунни снова издала хрюкающий всхлип:

— Он хотел увезти оба тела! Но не мог тащить обоих сразу, а я не могла помочь... Я ведь женщина, я слабая. Он унес в повозку Дирга, вернулся за землянином, но тут его заметил стражник. Падж прыгнул в повозку, уехал. Когда вернулся, уже все знали, что ваш друг убит. Паджа схватили, и он решил взять вину на себя. Если бы сказал правду, выяснилось бы, что он убил Дирга, и тогда...

— Северная пустыня, — кивнул Клыкков. — Ядовитые бураны, мучительная гибель. А за Вострикова его бы посадили, гм... ну, лет на пять, учитывая раздвоенного гхека. Падж только притворялся простачком, он догадывался... да нет, был уверен, что земляне проявят к нему снисхождение — такие случаи бывали. Дела о ксеноубийствах всегда заминают, чтобы не вышло, как с крабами. Состояние аффекта, самооборона, культурный шок — у Паджа все было неплохо расчитано. Смерть — за своего, небольшой срок — за чужака.

Из гущи лиан высунулась обеспокоенная усатая морда, беззвучно разинула пасть и скрылась. Сунни, закрыв руками лицо, сидела на коряге, воздух над ее плечами мутно дрожал. «Чужаки не считаются, — подумал Клыкков. — Чужаки никогда не считаются». Внимательно глядя под ноги, он подошел к двери. Крылья шелестели ему вслед.

Снаружи было светло от ночных кленов и очень тихо. Редкие ночные прохожие стояли, задрав головы, и смотрели в небо, где горела огромная желтая звезда — транспорт с Калассы оттормаживался перед входом в атмосферу.

— Успел все-таки, — пробормотал Клыкков. — Как там? Состояние аффекта, самооборона, культурный шок. Убийца убит, дело закрыто. Ай да я! Даешь сорт Клыккова — Ивченко. Да, чуть не забыл...

Дверь вновь отворилась, и лианы качнулись, скрывая растревоженных зверей.

— Скажите, Сунни, а отчего Падж не свалил вину за убийство Дирга на Вострикова? Ума не хватило? Спрятать труп Вострикова, обставить все так, будто землянин пустился в бега. Неплохой вариант.

Крылья плеснули и затихли.

— Падж не мог. Он убил Дирга таким способом, что... было бы сразу понятно, что его убил другой тафидянин.

Клыкков на минуту задумался. Потом хлопнул себя по лбу:

— А, ну конечно. Он его забодал!

